

Мифологический фактор в политико-экономическом проекте инновационной модернизации Китая

Зебелева Александра Васильевна

студентка 4 курса, направление Политология, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: a.zebeleva@gmail.com

С необходимостью инноваций сталкивается каждое государство, претендующее на региональное или мировое лидерство. Одной из моделей инновационного развития является китайская. Она включает не только политические и экономические преобразования. Факторы политической культуры, а конкретнее — мифологический фактор — при изучении инновационной модернизации часто недооценивается.

К настоящему времени Китай достиг значительных успехов за относительно небольшой временной промежуток. В данной ситуации важно и интересно понять, за счет каких «нестандартных» методов это произошло. Модель китайской инновационной модернизации наглядно демонстрирует стратегически важную роль мифологического фактора в экономико-политическом развитии страны. В статье рассматриваются основные «столпы» использования мифологии в рамках инновационной модернизации — архетипы и мифологическое мировоззрение.

Ключевые слова: Китай, модернизация, политическая культура, мифологический фактор, архетипы современности, национальная инновационная система.

Mythological Factor in Political and Economic Project for Innovative Modernization of China

Zebeleva Alexandra Vasil'evna

4-year Student, Politics Program Track, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: a.zebeleva@gmail.com

Each state applied for regional or global leadership faces the necessity of innovations. One of the models of innovative development is the Chinese. It includes not only political and economic changes. Factors of political culture, more specifically - the mythological factor is often underestimated in the study of innovative modernization.

To date, China has made considerable progress in a relatively short period of time. In this situation it is important and interesting to understand, due to what "non-standard" methods it happened. The model of Chinese innovation modernization demonstrates the strategic role of the mythological factor in the economic and political development of the country. The article examines the main "pillars" of the use of mythology within the framework of innovative modernization - archetypes and mythological worldview.

Keywords: China, modernization, political culture, mythological factor, archetypes of modernity, the national innovation system.

Вопрос инноваций далеко не нов, но по-прежнему актуален. Многие страны уже столкнулись или даже пережили если не сам этап модернизации и перехода к инновационной экономике, то этап осознания необходимости этого перехода. Сложно отрицать тезис о том, что переход к модернизации распространен повсеместно. Хотя вопрос о модернизации в странах с недемократическим режимом долгое время оставался сомнительным; западная наука говорила о том, что переход к инновационной экономике в таких государствах невозможен. Но, с другой стороны, существует позиция, что недемократическим режимам также интересен инновационный проект, поскольку в рамках этого проекта существует возможность обеспечить развитие экономической и социальной сферы без кардинальных политических преобразований. Если говорить о вопросе инноваций в России, то мы только вступаем на путь перехода к инновационной экономике.

В данной статье ставится вопрос о роли политической культуры в процессе модернизации. Но так как вопрос этот достаточно широкий, то следует рассмотреть конкретный, узкий кейс. В данных параметрах наиболее очевидным и достойным примером является пример Китая, инновационная модель которого стала одним из ключевых примеров успешной модернизации. В рамках ее изучения наиболее интересно раскрыть роль мифологического фактора как элемента политической культуры. Для этого необходимо разъяснить функцию мифологии в современном обществе, поскольку первоначальный, поверхностный взгляд может привести к мысли об ее отсутствии, а этот вывод ошибочен. Миф — это не только рассказ о сверхъестественном прошлом, но и средство объяснения настоящего и будущего. Более того, мифология этноса способна организовать ритуалы — политические акции, способна порождать символы, приобретающие характер политического лозунга, знамени.

Религия, язык, этнические различия, а иногда и этнический эпос подвергаются мифологизации в современной культуре. Существенна в рассматриваемом вопросе, а также в культуре этноса как целого, мифологизация истории, особенно происходящая под влиянием межэтнических противоречий и конфликтов. В условиях китайской специфики этот аспект один из самых важных.

В рамках повествования о мифологизации возможна недооценка этого фактора в контексте общей политической культуры, а впоследствии — и институциональной структуры и инновационного процесса. Также необходимо отметить, что человек, перешедший

к постматериалистическим ориентациям, отличается отрицанием любой иерархии. Из этого тезиса можно прийти к мысли о неэффективности и отсутствии значения мифов в современной ситуации. Но этот аргумент опровергается при углублении в вопрос о том, что же такое миф. В первую очередь это коллективное бессознательное, «слабо рефлекслируемое психическое состояние» (З. Фрейд). Оно проявляется как смутные образы, предчувствия, не поддающиеся вербализации влечения. Они как бы независимы от доминирующих в сознании категориальных схем и концептуальных полей. Таким образом, они существуют и воздействуют на поведение любого человека, на каком бы этапе развития он не находился.

Бессознательное включает разные составляющие, в том числе сосредоточение информации, накопленной предшествующими поколениями. Именно эти архаические пласты представляют автономный психический фонд — коллективное бессознательное, в котором запечатлен культурно-исторический опыт многих поколений. О коллективном бессознательном много писал К.Г. Юнг, который говорил, что это «есть вместе с тем образ мира, в котором с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, доминанты, так называемые архетипы» [1]. Такие архетипы создают готовность репродуцировать вышедшие из коллективного бессознательного мифологические представления, также они являются некими «силами или тенденциями», которые способствуют повторению опыта коллективного бессознательного. Таким образом, мы можем считать миф сохраняющимся, непроверяемым и самовоспроизводящимся фактором политической культуры. Поэтому его влияние на экономическое и политическое поведение человека отрицать невозможно.

Доказав необходимость изучения мифа как аспекта экономической и политической системы, перейдем к разъяснению того, в какой «фокусной точке» миф имеет прямое воздействие на эти сферы жизни общества, а конкретно — на процесс инновационной модернизации. Элита выступает главным носителем и транслятором идей инновационной модернизации. Практика прошедших в разных странах модернизаций показывает, что бизнес и гражданское общество очень редко становятся инициатором таких реформ. Общественные массы, как правило, психологически и интеллектуально консервативнее (инертнее) своих элит, кроме того, массы не обладают развитыми аналитическими и прогностическими способностями.

Интересно, что китайское руководство, в том числе в рамках обеспечения инновационного раз-

вития, достаточно легко смогло найти сочетание между марксизмом, уходя от догматизма, и традиционными мировоззренческими моделями. Впоследствии появилась органичная модель, сочетающая традиции и новации. Похожая мировоззренческая система была заложена великим китайским философом Конфуцием, который говорил о балансе этики и знаний в жизни человека [2].

Инновационные преобразования являются частью экономической системы, но нельзя отрицать, что их невозможно полноценно отделить от политической системы, в том числе потому, что для старта инновационных изменений необходима политическая воля. Таким образом, экономико-политическая элита общества выступает двигателем инновационной модернизации. Элита внедряет инновации, формирует устойчивую инновационную среду, которая сама поддерживает и воспроизводит.

Рассмотрим вопрос об идеологии и стратегии инновационного развития Китая. Китайская элита смогла после долгих обсуждений прийти к общему решению по поводу главного направления, в рамках которого будет возможность проводить реформы, но это не изменит незыблемые основы государства и общества. Именно так появилась концепция неоавторитаризма. Ее суть заключается в том, что ориентируясь на реализацию модернизационного курса, рынок и демократия должны появиться в стране постепенно, под особым вниманием и контролем жесткой и сильной власти. Сторонники неоавторитаризма считают ключевым отличием от старого авторитаризма то, что новый авторитаризм ставит целью динамичное развитие общества. Старый авторитаризм, в свою очередь, это режим, реализующийся в замкнутой системе, разрушающий впоследствии сам себя. В результате, по мысли сторонников неоавторитаризма, новый режим приведет к созданию условий для мирных, эволюционных демократических преобразований. Также они говорили, что перейти к демократии можно лишь путем всеобъемлющей, поэтапной, разноплановой модернизации, по итогам которой появятся психологические, социальные и экономические предпосылки для свободы и демократии [3].

Успех или поражение инновационных преобразований зависит от политической стабильности в стране и степени единства нации. Возвращаясь к специфике Китая, можно сделать вывод, что проект был подготовлен и проработан достаточно тщательно. Но он не мог состояться без обширного и массивного воздействия на общественное сознание. КНР, уже использующая к тому моменту и ограничение ин-

формации, и пропаганду, выбрала более мягкий путь воздействия. В связи с этим важно отметить, что инновационная мотивация нередко несет в себе идеологическую составляющую. На инновационный курс серьезное влияние оказывает политическая культура, которая может либо мешать, либо способствовать инновациям, а также отражается на характере реформ. Именно эта идеологическая составляющая инновационного проекта заслуживает особого внимания.

В КНР сформировали особую идеологическую конструкцию, самодостаточную концепцию для определенного стереотипа поведения. Китайская модель использовала обширную идеологическую составляющую. В ее рамках использовались древние, подчас архаичные и мифологизированные конструкции. Например, сами китайцы регулярно вспоминают об одном из древнейших мифов Китая о том, что Китай является центром мира: на севере — холодные леса, на востоке и юге — бескрайнее море, на западе — высокие горы; таким образом вокруг нет никого и ничего, а значит, Китай — центр мира. Этот миф является примером идеологической составляющей. Эта составляющая была отлично проработана китайской правящей элитой: несмотря на место своего проживания, китаец всегда старается работать на благо Поднебесной. Любой исконный китаец, родившийся в Китае или за его пределами, работая на любую организацию, всегда заботится об улучшении положения Китая.

Население КНР как постколониальной страны тяготело к коллективизму, недемократическим режимам и господству моноидеи или идеократии. Слабая ориентация населения в политических процессах, а также отсутствие навыков самостоятельного управления после освобождения от метрополии привели к доминированию коллективных форм организации жизни и к консолидации общества. У новой тоталитарной власти была неограниченная возможность управлять общественным мнением, поскольку население не имело артикулированных и агрегированных политических интересов, мировоззренческих приоритетов и соответствующего опыта. Эта власть часто использовала простые, понятные населению идейно-теоретические мифологизированные формулировки. Такие простые и доступные конструкции неизбежно становились популярными и востребованными у большинства. С другой стороны, идейно-теоретические конструкции, полученные от либерального Запада, сталкивались с традиционными верованиями, традициями, обычаями, базовыми ценностями. В итоге западные

конструкции либо вытеснялись, либо трансформировались для соответствия существующей системе.

Важно отметить противопоставление Китая и враждебного западного мира как элемент этой идеологической составляющей. Это может показаться свойственным только Китаю, но на самом деле это не так. В формировании этносов существуют две тенденции: этноинтегрирующая и этнодифференцирующая, причем наиболее существенна и первична этнодифференцирующая тенденция. Она формирует самосознание, и часто самоназвание этноса строится на основе дифференциации и обособления от других этносов. «Этнос может быть определен лишь через его противопоставление другим этносам. Следовательно, самосознание этноса есть реализация древнейшего архетипа “мы—они”, бытующего в коллективном бессознательном и воплощаемого в стереотипах поведения, мифах, ритуалах и символах» [4]. Это не может не отразиться и на мифологии этноса, которая развивается в этноинтегрирующем и этнодифференцирующем русле. Таким образом, возвращаясь к вопросу о роли мифологического фактора, можно особенно выделить в китайском примере противопоставление «мы—они» как дополнительный рычаг форсирования модернизации. Это также отражается на внешней политике, поскольку успешная модернизация, проводимая собственным путем, повышает ресурсный потенциал и международный вес Китая. Это путь сохранения традиций, идущий вопреки навязываемому пути ломки старых экономических и политических систем, который всегда приводит к социальным проблемам. Помимо этого КНР активно продвигает свои национальные интересы практически по всему миру, претендуя тем самым на глобальное лидерство. Важно отметить, что Китай вступил на путь модернизации не только в практически враждебной внешнеполитической обстановке, но и в ситуации методологического и научного кризиса по вопросу потенциала реформ в «несвободных» странах. Суть заключается в том, что «победы демократии» в период 1980–1990-х гг. привели транзитологов к мысли, что тоталитарные государства даже не смогут дожить до нового века, а не то чтобы модернизироваться или стать лидерами.

Дополнительным рычагом для китайской модели стал и образ врага. В мифологии архетип «мы—они» всегда подразумевает наличие «чужих». «Они» или «чужие» — это некий оплот зла. От «них» ожидаешь только жестокости, предательства, беды и несчастья. Обычно «врагу» приписываются и собственные негативные качества, таким образом «мы» избавляются от них. В итоге на фоне таких «они» члены

своего этноса выглядят как люди без негативных качеств. Соответственно, «нам» необходимо выжить среди «них», если понадобится, таких «врагов» нужно нещадно уничтожать. Создание образа врага — одна из наиболее характерных черт этнической мифологии и встречается во все времена и во всем мире. «Тайными кознями врагов можно объяснить и оправдать любые просчеты и неудачи, несоответствие результата поставленным целям и т.д. Таинственные силы зла — причина всех недостатков в нашей сегодняшней действительности» [5].

Персонификация представлений о причинах происходящих в обществе изменений вырастает впоследствии в образы «добрых» и «злых» сил, «героя» и «врага». Мифологическая логика не признает возможности существования безличной, объективной причины события или явления, ставя на ее место конкретную личность или группу. Таким образом происходит и персонификация лидера. Восприятие мира на основе мифов приводит к тому, что общество осознает свое единство только вокруг образа умершего или живого вождя, постепенно теряющего признаки человека и приобретающего сверхспособности и символические черты. Такому образу «героя» приписываются подвиги и все достижения общества, «герой», чаще всего, это оплот мечты данного общества. В данном случае вспоминается пример современных и предыдущих лидеров Китая, легенд о них и т.д.

Если образ врага ассоциируется с понятием «заговор», то образу героя наиболее точно соответствует понятие «чудо». При этом подразумевается, что истоки того и другого исходят из сверхъестественного, сил добра и зла. Вывод: обычный человек не может и не должен понимать замысел этих сил, он может лишь верить в этот замысел и надеяться, что этот замысел учтет все его интересы и ожидания.

Несмотря на то, что по официальным данным половина населения КНР неграмотны, у правящей элиты получилось создать систему эффективного информационного обеспечения. Систему, которая доводит до населения позицию государства как единственно приемлемую и абсолютно верную. Пример, подтверждающий это, можно найти в 1989 г.: студенческие волнения, которые были представлены как действия групп экстремистов и бандитов. Информационная система довела до граждан Китая представления о том, что эти беспорядки были инициированы их идеологическим «врагом» из Америки. Также интересно отметить, что это информационное воздействие работало не только на территории Китая, диаспоры КНР в США и Западной Европе также

получили эту позицию как единственно верную. Можно сделать вывод, что эта информационная система работает по всему миру, в каждом государстве, где есть китайская диаспора.

Характер мифа-символа может приобрести в процессе этнической идентификации религия, которая всегда играла важную роль в процессе этнической консолидации. Современная инновационная политика Китая уделяет большое внимание человеческому фактору, воспитанию «благородного мужа», о котором говорил Конфуций. «Мужа» — как образованной и гармонично развитой личности, которая способна решать наряду с личными и общественные задачи. В КНР не зря до сих пор Конфуций почи-

тается как главный духовный наставник и мыслитель, а конфуцианство выступает в качестве идеологической основы общества.

Экономическая система Китая добилась успеха за счет децентрализованных процессов экономической деятельности в условиях жесткой международной конкуренции. Успехи в инновационной деятельности стали результатом создания мощных возможностей и стимулов для предпринимательства, обеспечения входа и выхода на рынок, открытости экономики к конкуренции на внутреннем и международных рынках. Свою роль в рамках китайского проекта экономико-политической модернизации сыграл и мифологический фактор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. Пер. с англ. под общей ред. В.В. Зеленского. М.: Когито-центр, 2010.
2. Константинова М.А. Философские основы современного китайского образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение Вопросы теории и практики. 2011. №4, ч. 1. С. 72-74.
3. Селезнев П.С. Инновационная политика «незападных» стран в начале XXI столетия: поиск приоритетов модернизации / Финуниверситет, Каф. общей политологии. М.: Финуниверситет, 2013.
4. Мосейко А.Н. Коллективное бессознательное и мифология современных этнических отношений // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов, Т.В. Евгеньева. Рос. гос. гуман. ун-т. М.: РГГУ, 1996. С. 33–51.
5. Евгеньева Т.В. Социально-психологические основы формирования политической мифологии // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов, Т.В. Евгеньева. Рос. гос. гуман. ун-т. М.: РГГУ, 1996. С. 25.

REFERENCES

1. Yung K.G. *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo* [Essays on the psychology of the unconscious]. Moscow, Kogito-tsentr Publ., 2010.
2. Konstantinova M.A. *Filosofskie osnovy sovremennogo kitayskogo obrazovaniya* [The philosophical foundations of modern Chinese education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art theory and practice Questions]. 2011, I. 4, Part 1, pp. 72-74.
3. Seleznev P.S. *Innovatsionnaya politika «nezapadnykh» stran v nachale XXI stoletiya: poisk prioriteto modernizatsii* [Innovation policy “No-Western” countries in the beginning of the XXI century: the search for modernization priorities]. Moscow, Finuniversitet Publ., 2013.
4. Moseyko A.N. *Kollektivnoe bessoznatel'noe i mifologiya sovremennykh etnicheskikh otnosheniy* [The collective unconscious and mythology of modern ethnic relations]. *Sovremennaya politicheskaya mifologiya: sodержanie i mekhanizmy funktsionirovaniya* [The modern political mythology: the content and mechanisms of functioning]. Moscow, RGGU Publ., 1996, pp. 33–51.
5. Evgen'eva T.V. *Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy formirovaniya politicheskoy mifologii* [Socio-psychological basis of formation of political mythology]. *Sovremennaya politicheskaya mifologiya: sodержanie i mekhanizmy funktsionirovaniya* [The modern political mythology: the content and mechanisms of functioning]. Moscow, RGGU Publ., 1996, p. 25.